

Время от смерти Петра Великого до вступления на престол Елизаветы (1725-1741)

Впервые 16-17 лет, прошедших со смерти Петра Великого, судьбу русского престола нельзя было назвать благополучной: на нем сменилось пять монархов; Россия пережила несколько дворцовых переворотов; у власти стояли иногда люди, чуждые стране, по своим эгоистическим наклонностям не достойные власти. Причины, обусловившие эту эпоху переворотов и временщиков, коренились, с одной стороны, в состоянии царской семьи, а с другой – в особенностях той среды, которая управляла делами. Чтобы ознакомиться с этими причинами, обратимся прежде всего к рассмотрению обстоятельств дворцовой жизни и престолонаследия от Петра до Елизаветы.

Дворцовые события с 1725 по 1741 год

Законом 1722 г., как мы видели, отменялся обычный порядок престолонаследия, действовавший в Московской Руси, и монарху предоставлялось право назначения наследников. При таком порядке важное значение получало завещание монарха. Но Петр умер от случайной простуды, сломившей его расшатанное трудами здоровье, умер всего 52-х лет и не оставил никакого завещания. Вельможи и «господа Сенат», собравшиеся во дворце в ночь на 28 января 1725 г. ввиду неминуемой кончины Петра, от кабинет-секретаря Макарова узнали, что Петр не выразил своей воли о наследнике. Приходилось подумать, кем заменить умиравшего императора.

Петр оставлял после себя жену, внука Петра Алексеевича, двух дочерей и двух племянниц. Естественно, что жена Екатерина Алексеевна и внук Петр Алексеевич сочтены были за ближайших кандидатов; но голоса присутствовавших во дворце вельмож разделились: одни желали Екатерину провозгласить императрицей, другие в Петре видели законного наследника. За Екатерину, иностранку и неродовитую по происхождению женщину, высказывались сотрудники Петра, стоявшие за новый порядок, потому что благодаря ему они поднялись на такую общественную высоту. В воцарении Екатерины они видели залог того, что уцелеют установленный Петром порядок и их личное положение. В царевиче же Петре они видели сына того царевича Алексея, который был приговорен к смерти; некоторые из них с воцарением Петра могли бояться и мести от него за отца и возвращения к старым общественным порядкам, для них неприятным. Во главе этих новых людей, приверженцев Екатерины, стояли Меншиков, Ягужинский и Толстой.

За Петра Алексеевича были, напротив, люди из старого боярства, удержавшиеся на вершине общества и при Петре. Реакционные стремления к старым московским порядкам, жившие в них, заставляли их чуждаться Екатерины, а в Петре – еще мальчике – видеть такого же представителя старых начал, каким был его отец. За внука Петра была и народная масса, лишенная, однако, возможности подать свой голос. Зато на стороне Екатерины были гвардейские полки, любившие Екатерину и Меншикова.

Всю ночь шли рассуждения о наследнике престола, предлагались и отвергались различные комбинации. Толстой произнес речь о заслугах Екатерины перед государством и указывал на ее торжественную коронацию, как свидетельство ее прав на престол со стороны самого императора. Эта речь была поддержана незаметно явившимися в залу заседания гвардейскими офицерами, а мнение офицеров (вероятно, введенных по желанию Екатерины) нашло поддержку в неожиданном появлении перед дворцом обоих гвардейских полков, Преображенского и Семеновского, пришедших «по воле императрицы», как было

объявлено знати. Вмешательство гвардии, преданной и уже повиновавшейся «императрице», весьма повлияло на собрание. К утру все высказались в пользу Екатерины, и она была объявлена императрицей и самодержицей со всеми правами ее мужа императора.

Избранная правящими лицами и гвардией, которая, следует заметить, состояла из шляхетства, Екатерина беспокойно принимала власть, боясь движения народных масс против воцарения иноземки. Однако волнений не было: были отдельные случаи неудовольствия на господство женщины (были такие люди, которые не хотели присягать Екатерине, говоря: «Если женщина царем, то пусть и крест бабы целуют»). Все войска присягнули спокойно. Гвардия же восторженно относилась к императрице, и императрица платила ей полным вниманием и заботами, весьма заметными для современников. Гвардейские полки были внешней опорой нового правительства.

Так совершился небывалый факт воцарения женщины в России, так в первый раз новые русские войска выступили в качестве не только боевой, но и политической силы. Екатерина правила с помощью тех же людей и тех же учреждений, какие действовали при Петре. Энергичная и умная жена Петра была в высшей степени замечательной женщиной в узкой среде семейных и частных отношений, но не стала заметным деятелем в широкой сфере государственной жизни. Ей не хватало ни образования, ни привычки к делам, и потому она скрывалась за личностью талантливого Меншикова, который, пользуясь расположением и доверием императрицы, стал полным распорядителем дел, временщиком. Но столкновения Меншикова с Сенатом (причем Меншиков однажды позволил себе оскорбить сенаторов) уже к началу 1726 г. привели к раздору среди правящих лиц и тревожным слухам о том, что обиженные лица желают возвести на престол Петра Алексеевича. Слухи добавляли, что воцарение Петра проектируется с ограничением его власти. Благодаря рассказам современников, мы с вероятностью можем полагать, что в данном случае против Меншикова стали те родовитые люди, которые и раньше отдавали предпочтение кандидатуре Петра перед кандидатурой императрицы Екатерины. Предвидя смуту, Толстой явился посредником между враждующими сторонами и успел потушить ссору. Однако она не прошла бесследно, а привела к учреждению Верховного тайного совета. Так назывался новый орган государственного управления, поставленный выше Сената и лишивший его прежнего значения. У Сената был отнят генерал-прокурор; вместо титула «правительствующий», Сенат стал пользоваться титулом «высокий»; между верховной властью и Сенатом не стало прямого общения, и Сенат должен был повиноваться указам Верховного тайного совета; Сенат сошел на степень коллегии и считался равным Военной, Иностранной и Морской коллегиям.

Верховный тайный совет, учрежденный в феврале 1726 г., состоял из 6 членов: Меншикова, Апраксина, Головкина, Толстого, Дмитрия Михайловича Голицына и Остермана. Характер этого Совета не был точно определен указом, его учреждавшим; было только сказано, что Совет устроен «для государственных важных дел». Но, по собственному мнению Совета, круг его деятельности был широкий, и Совету присваивалось значение законодательного учреждения; предполагалось даже, что ни один указ не мог быть издан государыней без обсуждения Совета. При такой постановке дела немудрено, что некоторым показалось, будто Верховный совет есть шаг к ограничению монаршей власти, хотя этого и не было на деле.

Учреждение Верховного совета было, с одной стороны, направлено к тому, чтобы избавить Меншикова, как главу военного управления (он был президентом Военной коллегии), от контроля Сената, а с другой стороны, к тому, чтобы удовлетворить оскорбленное чувство знати, дав ей возможность достигнуть

высокого государственного положения путем участия в Верховном совете. Виднейший представитель этой знати Д. М. Голицын и был призван в Совет наряду с самыми влиятельными административными лицами: Меншиковым, Апраксиным, Толстым (см. Градовского: «Высшая администрация России», гл. 4-я). Таким образом, из столкновения временщика с другими влиятельными людьми родилось новое учреждение, помирившее обе враждебные стороны, т. е. родословных людей с неродословными.

В основании В. Т. Совета, однако, лежала не одна случайная «конъюнктура». В последние годы царствования Петра В. в высшей бюрократии созрело сознание, что в административной системе Петра допущен пробел: именно, на место старой думы не было поставлено соответствующего законодательного учреждения, ибо Сенату не было дано полностью всех полномочий думы. Князь Д. М. Голицын с голштинцем Фиком (вызванным в Россию для организации коллегий) много беседовал о необходимости устроить «высшее правительство» в виде «Тайного совета» – такого, который бы дал твердую организацию самой верховной власти. В момент смерти Петра В. Голицын гласно желал воцарить внука его Петра, а опеку над ним вручить Сенату с повышением его полномочий. Проиграв на этом, Голицын выдвинул идею законодательного «Тайного совета» против произвола временщика Меншикова и сумел, как видим, настоять на своем: законодательное учреждение было создано и скоро даже покусилось на формальное ограничение верховной власти (1730).

Однако между Меншиковым и его противниками и с учреждением Верховного тайного совета все же не было прочного мира. Люди, недовольные временщиком, как допущенные в Верховный тайный совет, так и не попавшие в него (Ягужинский и многие другие), по-прежнему не могли помириться с исключительным значением Меншикова. Дальновидный Меншиков сам понимал, что у него много врагов и что все они возлагают свои надежды на царевича Петра. Чем старше становилась Екатерина, чем более вырастал Петр, тем более становилось вероятным, что власть перейдет к Петру, Меншиков потеряет свое значение и влияние приобретут родовитые люди, всегдашние приверженцы Петра. Такая перспектива страшила временщика, заставляя его заранее обдумывать меры, чтобы упрочить свое положение и на будущее время.

Вначале 1727 г. Меншиков уже знал, что ему нужно было делать. По совету датского и австрийского послов он решил сблизиться с царевичем Петром и добиться того, чтобы Екатерина позволила женить Петра на дочери Меншикова и признала его наследником престола. Делаясь тестем будущего государя, Меншиков обеспечивал себе высокое положение надолго. Екатерина согласилась на просьбу Меншикова о женитьбе Петра, несмотря на то, что обе дочери ее со слезами молили отказать. Придворные люди в большинстве были против Меншикова, но вопрос о престолонаследии разделил их. Сближение всемогущего временщика с Петром для приверженцев Петра было как бы ручательством в том, что Петр наследует престол. Поэтому многие из них примирились с женитьбой царевича на Меншиковой (Голицыны). Но те, кто были против Меншикова, и против Петра, забились тревогой. Толстой рискнул представить Екатерине свои доводы против предполагаемой женитьбы. Однако Екатерина осталась при своем, хотя и заявила, что никто не знает ее воли о преемнике престола и что Меншиков не может изменить этой воли.

В таком положении были дела, когда императрица неожиданно захворала горячкой. Во время ее болезни Меншиков успел сослать главного своего врага Толстого в Соловки и остался распорядителем дел, довольный сочувствием Голицыных и молчанием прочих. 6 мая 1727 г. Екатерина скончалась. На другой день царская фамилия, Сенат, Синод, Верховный совет и все высшие чины слушали завещание Екатерины, про которое в то же время пошли слухи, что оно подложное. Этим завещанием наследником назначался Петр; в случае его бездетной смерти

престол переходил к цесаревне Анне Петровне с наследниками, затем к цесаревне Елизавете Петровне с наследниками (этим пунктом завещания нарушался закон Петра Великого о престолонаследии). До совершеннолетия нового императора утверждалось регентство из Верховного тайного совета с включением в него царевен Анны и Елизаветы.

Петру тогда было 11 лет. Меншиков перевез государя из дворца в свой дом, через две недели обручил его со своей дочерью Марией и вверил его воспитание вице-канцлеру и обер-гофмейстеру Остерману. Неприятные Меншикову лица были понемногу удалены от двора: с влиятельной же знатью, Голицыными и Долгорукими, Меншиков дружил с тех пор, как стал на стороне Петра. Однако эта дружба не была прочна. Самовластие и заносчивость временщика раздражали придворную среду; много лиц стремилось разделить с Меншиковым его влияние и власть.

Петр II не любил ни Меншикова, ни его дочери, своей невесты. Раньше других придворных этой антипатией Петра воспользовались князья Долгорукие. Действуя через любимца Петра, молодого князя Ивана Алексеевича Долгорукого, они внушили государю мысль избавиться от опеки временщика и надоевшей невесты. Так как исключительное положение Меншикова при дворе обуславливалось только благоволением к нему монарха, то свергнуть Меншикова было очень легко. По приказу императора он был подвергнут аресту и удален в свое рязанское имение, а затем в Сибирь, в Березов, после того, как четыре месяца самовластно распоряжался государством.

Ссылка Меншикова вызвала общую радость в верхних слоях петербургского общества. Однако при малолетнем монархе должны были явиться новые лица с сильным влиянием: сам Петр управлять еще не мог, но его благоволение могло создать фаворитов и влиятельных лиц. Любовью Петра завладели Долгорукие, его уважением завладел Остерман. На первые же вакантные места были назначены в Верховный тайный совет двое Долгоруких: Василий Лукич и Алексей Григорьевич. Несмотря на это, Остерман сохранял приобретенное им после Меншикова первенствующее влияние на дела, не уступая его и родовитейшему русскому человеку, Д. М. Голицыну.

В 1727 г. Петр переехал для коронации в Москву, где остался и после коронации. Пребывание двора в Москве, однако, не означало той общей реакции против преобразования, на которую надеялись многие приверженцы Петра. В управлении государством не было никакой определенной тенденции – ни к возврату в допетровские формы жизни, ни к продолжению преобразований Петра Великого. Государь не занимался ни наукой, ни правлением: придворное влияние Долгоруких очень дурно действовало на малолетнего Петра, направляя все его интересы в сторону забав и удовольствий. При таких условиях все в государстве жило день за день. Иностранцы находили, что «все в России в страшном беспорядке»; один Остерман работает усердно, но сил его не хватает на все дела; Верховный тайный совет собирается редко; администрация неудовлетворительна, финансы в расстройстве.

Но такое положение дела тянулось годы и не возбуждало неудовольствия вне дворца. Народ, довольный облегчением от податей после Петра Великого, видел в Петре II законного государя и не усматривал в Долгоруких вредных временщиков, не видел и особого расстройства правления. Во дворце же влияние Долгоруких настолько выросло, что в конце 1729 г. они достигли высокой чести: Петр обручился с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой. Но и вторая помолвка государя не окончилась свадьбой: Петр II захворал и умер 14-ти лет, в ночь с 18 на 19 января 1730 г., не оставив завещания.

Зато было завещание Екатерины I, передававшее престол в семью Анны

Петровны в случае бездетной смерти Петра. Сильные люди теперь не считали его обязательным: они считали престол вакантным и не знали, кому его предоставить. Ночью 18-19 января Верховный тайный совет, некоторые сенаторы и высшие военные чины, всего человек 10-15, в Петровском дворце (где умер Петр II) стали рассуждать о судьбе престола, и здесь обнаружилось, как мало они были подготовлены к предстоящему делу. Долгорукие рискнули предложить в императрицы княжну Долгорукую, невесту Петра, и, конечно, безо всякого успеха. Среди тревожных и разноречивых толков раздался, наконец, голос князя Д. М. Голицына: не без задней мысли он назвал одинокую бессемейную особу царского дома Анну Иоанновну, бездетную и лишенную политического веса вдову герцога Курляндского. Предложение Голицына встретило общее сочувствие, на избрание Анны согласился сразу главный делец того времени – Остерман. Действительно, и личной сдержанностью, и своим одиночеством Анна могла показаться прекрасным кандидатом на корону: она была законной дочерью старшего из братьев-царей – Иоанна и потому, конечно, имела более прав на избрание, чем дочери Петра.

Когда вопрос о престолонаследии был решен и предмет суждения сановников, казалось, был исчерпан, – князь Дмитрий Голицын неожиданно высказал в собрании свою затаенную мысль. «Надо бы нам себе полегчить, – сказал он собранию, – так полегчить, чтоб воли прибавить... Надобно, написав, послать к ее величеству пункты». В таких выражениях была высказана Голицыным мысль об ограничении власти новой императрицы в пользу Верховного тайного совета. Еще в 1725 г., в минуту смерти Петра Великого, Голицын предлагал до совершеннолетия Петра II передать верховную власть в руки Сената и Екатерины. Теперь же он желал и при совершеннолетней государыне дать формальное участие во власти первому учреждению в Империи. Пять лет, прошедших со смерти Петра, показали Голицыну, что при дворе возможны временщики и фавориты, что при таком условии влияние принадлежит случайным людям, а не достойнейшим представителям высшей администрации и высшего дворянства. Действительнейшим средством против фаворитизма Голицын счел ограничение личной власти монарха Верх. тайн. советом, который в ту минуту имел характер аристократического по составу учреждения. Во время воцарения Анны в Совете были четверо Долгоруких, двое Голицыных, канцлер Головкин и Остерман; стало быть, из восьми лиц – шесть принадлежало к старой русской знати. Крупнейшим из них был сам Д. М. Голицын, он и взял на себя инициативу: назвал как кандидата на престол Анну Иоанновну, от которой не ждал противодействия своим планам, а когда ее избрали, то прямо поставил вопрос об ограничениях, или «пунктах».

Предложение Голицына удивило собрание: оно не вызвало протеста, но и не подверглось всестороннему обсуждению, а было принято сгоряча. «Пункты» ограничений были отредактированы тут же и сообщены по секрету бывшим в ту ночь во дворце некоторым сановникам. Те отнеслись к «затейке» пассивно и разъехались. Наутро 19 января в Кремль, во дворец, были собраны «генералитет» и духовенство. На предложение об избрании Анны это собрание ответило сочувственно и на этом было распущено. А «верховники», уединясь, пересмотрели «пункты», дополнили их и составили письмо к герцогине Курляндской с извещением об избрании в императрицы и особый лист с условиями избрания. Письмо и условия повез в Митаву к Анне Вас. Лук. Долгорукий. Условия сводились к следующему: 1) императрица должна обещать не выходить замуж и не назначать себе наследника; 2) Верх. тайн. совет содержать всегда в восьми персонах и без его согласия не объявлять войны и не заключать мира; не налагать податей и не расходовать государственных доходов; не жаловать вотчин и не отнимать имения и чести у шляхетства; не жаловать никого в придворные и генеральные чины; 3) гвардии и всем прочим войскам быть в ведении Верх. тайн. совета, а не императрицы. Условия

были редактированы так, как будто Анна давала их по своему почину.

«Все гарантии для восьми, а против восьми для остальных – где гарантии?» – замечает по поводу этих ограничительных пунктов С. М. Соловьев. «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий, – боязливо замечал современник Артемий Волынский, – так мы, шляхетство, совсем пропадем». То же думало прочее шляхетство, собранное во множестве в Москве по случаю пребывания там двора.

Когда по Москве распространился слух о тайных ограничениях в пользу Верх. тайн. совета, не только видное духовенство (Феофан Прокопович), не только государственные люди, не участвовавшие в «затейке» верховников, но и все среднее и низшее дворянство пришло в большое негодование на верховников. Смелый и ловкий Ягужинский успел тайно отправить из Москвы дворянина Сумарокова в Митаву к Анне с советом «не всему верить, что станут представлять» ей посланные от Верх. тайн. совета. Ягужинский, как говорят, действовал так поличным видам: он хотел ограничений, но не был принят в Верх. тайн. совет, за что и мстил верховникам. Его посланный был Долгоруким схвачен после того, как исполнил поручение в Митаве. Анна подписала ограничительные пункты, несмотря на предостережения Ягужинского; сам же он был арестован в Москве. Однако ему удалось своим советом возбудить в Анне подозрение, что пункты действительно не «от всего народу» привезли.

Ягужинский действовал в Митаве, шляхетство волновалось в Москве. Одни дворяне были против ограничений и желали просто перебить верховников; другие более или менее охотно мирились с совершившимся фактом отмены самодержавия, но возмущались новой формой власти – олигархической – и желали изменить ограничительные пункты так, чтобы дать и шляхетству участие во власти. По отзывам современников, возбуждение умов было чрезвычайное, тайные собрания носили страстный характер. Верховники, напуганные таким движением дворянства, думали сдерживать его угрозами простому дворянству и уступками людям заметным, которых они ласкали и успокаивали обещаниями, что, как только будет получено согласие Анны, немедленно будут призваны все чины для обсуждения нового государственного устройства.

Так прошло две недели. 3 февраля высшим чинам объявлено было, что Анна Иоанновна приняла престол и сама благоволила дать на себя ограничительные обязательства, которые и были прочитаны собравшимся. Все молчали: очевидно, что условия не нравились никому. Хотя затем и подписали «благодарственный» протокол собрания, однако кем-то из толпы было брошено в лицо верховникам недовольное замечание: «Не ведаю, да и весьма чуждую, отчего пришло на мысль государыне так писать». А князь Алексей Михайлович Черкасский настоятельно просил позволения, чтобы шляхетству позволили подать свои мнения о новом государственном устройстве в В. Т. Совет. Позволение было дано.

На основании его началось в среде шляхетства уже гласное составление политических проектов, которых различными кружками было составлено 12. Они были представлены Верховному тайному совету и сохранились до нашего времени. Наиболее выработанные из них (самый обстоятельный принадлежит известному историку Татищеву) требуют увеличения числа членов В. Т. Совета и назначения их по выбору всего дворянства. Собственно, участием шляхетства в назначении членов В. Т. С. и исчерпывалась политическая роль дворянского сословия по проектам самого дворянства. Помимо планов политического переустройства проекты содержали в себе просьбы о льготах дворянству: просили ограничить государственную службу дворян 20-ю годами, уничтожить единонаследие в дворянских имениях и учредить школы для дворянства.

Верховники, приняв проекты, не обнаружили желаний делать уступки и не

думали делиться властью со шляхетством; они обещали только доброжелательство и отеческое попечение всем сословиям одинаково. Понятно, что это не удовлетворило никого.

С 3 по 15 февраля, когда императрица приехала в Москву, страсти разгорелись еще больше; общее Неудовольствие верховниками возросло до открытого сопротивления: Преображенский полк отказался присягать по форме присяги, какая была всего удобнее для В. Т. Совета. Через приближенных к императрице Анне дам (между прочим, через Салтыковых, из рода которых была мать Анны) противники ограничений успели войти в сношения с императрицей, когда она приехала в Москву. Но и до этого сама императрица не раздавала чувствовать верховникам, что ограничения не настолько крепки, чтобы подавить ее волю совершенно. Когда же настроение московского общества стало ей известно, Анна еще самостоятельнее повела себя по отношению к В. Т. Совету. Она упорно отказывалась быть в заседаниях Совета, хотя в то же время и не решалась сбросить с себя принятые добровольно обязательства.

«Затейка» В. Т. Совета была разрушена не Анной, а шляхетством. Верховники задумали заменить самодержавие аристократическим правлением и не имели в своих руках никаких средств для того, чтобы силой поддержать свои планы. Шляхетство же, не имея определенного плана государственного переустройства и восставая против олигархии, было единственной силой в государстве, потому что имело военную организацию. Первое же открытое вмешательство этой силы в отношения верховной власти и В. Т. Совета повело к тому, что прерогативы первой были восстановлены и планы второй разрушены. Произошло это так.

25 февраля утром во дворец явилась толпа шляхетства, человек из 800, и подала императрице просьбу о том, чтобы она приказала рассмотреть те проекты, которые были поданы В. Т. Совету от шляхетства и оставлены Советом безо всякого движения. Удивленные верховники просили императрицу об обсуждении поданной просьбы совместно с ними. Но Анна прямо написала на просьбе резолюцию о рассмотрении проектов. Тогда часть шляхетства (а именно гвардейские офицеры) неожиданно обратились к Анне с шумной и настойчивой просьбой принять самодержавие. Боясь поднявшегося шума и желая прекратить беспорядок, Анна не дала решительного ответа, но нарушила свои ограничения тем, что отдала гвардию под начальство преданного ей генерала Салтыкова и тем самым отстранила от командования В. Т. Совет. В тот же день гвардейство и прочее шляхетство поднесли Анне уже формальную просьбу о восстановлении самодержавия. Анна разорвала свои ограничительные пункты и «учинились в суверенстве». Прежние проекты о новом государственном устройстве превратились в этот день во всеподданнейшую просьбу шляхетства об уничтожении В. Т. Совета, о реформе Сената, «как при Петре I было», и замещении высших административных должностей выборными от шляхетства.

Верховники не имели никакой возможности помешать совершившемуся на их глазах государственному перевороту, потому что гвардия была против них и охотно ушла из-под их начальства, потому что все шляхетство было против олигархического Совета, и Совет при таких условиях стал детски слаб и беспомощен. При всем разногласии шляхетских взглядов и проектов, при отсутствии строго выработанного плана действий против Совета дворянство легко победило Совет, как только императрица пошла навстречу желаниям дворянства. Неизвестно, насколько союз верховной власти и дворянского сословия 25 февраля был подготовлен и условлен заранее (ходили слухи, будто Анна знала о том, что готовится), – во всяком случае переворот совершен был шляхетством, его силами, его авторитетом.

Естественно ожидать, что, став самодержицей, Анна воздаст сословию за его

услугу должное. Но следует при этом помнить, что шляхетство, совершая переворот 25 февраля, явилось во дворец сперва не восстановить самодержавие, а изменить содержание ограничений в свою пользу. Восстановило самодержавие не шляхетство, а гвардия, т. е. лишь часть шляхетства. Вот почему мы видим, что Анна, лаская гвардию, учреждая новые гвардейские полки (Измайловский), в то же время соблюдает общие интересы всего дворянства не всегда и не совсем. Правда, она немедленно уничтожает В. Т. Совет и восстанавливает прежнее значение Сената, как того просили дворяне; она уничтожает ненавистный шляхетству закон Петра о единонаследии 1714 г., учреждает дворянское училище – Шляхетский корпус – и дает некоторые служебные облегчения шляхетству. Но прошение дворянства об участии в избрании администрации остается без выполнения, и вся политика Анны не только не дворянская, но даже не национальная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты, подвергая ее гонениям и даже унижению, опасаясь, с другой стороны, политических движений среди шляхетства и помня, что в Голштинии есть родной внук Петра Великого (будущий Петр III), которого Анна в гневе звала «чертушкой в Голштинии» и который мог стать знаменем движения против нее, – Анна не нашла лучшего для себя выхода, как организовать свое правительство из лиц немецкого происхождения. Это обстоятельство, вызванное неумением найти себе опору в своем народе, в той или иной его части, привело к печальным результатам. Правление Анны – печальная эпоха русской жизни XVIII в., время временщиков, чуждых России. Находясь под влиянием своих любимцев, Анна не оставила по себе доброй памяти ни государственной деятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась к удовлетворению эгоистических стремлений нескольких лиц, вторая отмечена странностями, рядом расточительных празднеств, грубыми нравами при дворе, блестящими, но жестокими затеями вроде «ледяного дома».

С первых же минут после восстановления самодержавной власти началось возвышение иностранцев и опалы на русскую знать. Постепенно представители знати теряли свое придворное значение и служебные места, подвергались гонению, ссылке или в деревни, или в Сибирь, даже казням. Сперва пострадали Долгорукие: некоторым из них – Василию Лукичу, Ивану Алексеевичу – были отсечены головы. Потом пришел черед и Голицыных. Из членов бывшего Совета уцелели только Головкин и Остерман – неродовитые люди. Преследование знати было возведено как бы в систему: подвергались ссылкам и заключению такие представители старой аристократии, которые не принимали никакого участия в замысле верховников и не играли видной роли (Черкасские и Юсуповы). В то же время не менее систематически шло возвышение немцев. Уже в мае 1730 г. замечали, что императрица находится под влиянием Бирона (курляндского камергера) и Левенвольда (лифляндского дворянина). Оба они были осыпаны милостями и взяли дела в свои руки. Последний из них сформировал для Анны Измайловский полк с офицерами из прибалтийских немцев, сам был сделан полковником этого полка, а в помощники получил шотландца Кейта. Бирон же старался о замещении немцами всех видных мест в администрации. При Анне в придворной сфере первое место занимали немцы; во главе текущего управления стоял немец (Остерман); в коллегиях президентами были немцы; во главе армии находились немцы (Миних и Ласси). Из них главная сила принадлежала Бирону. Это был человек совершенно ничтожный по способностям и безнравственный по натуре. Будучи фаворитом Анны и пользуясь ее доверием, Бирон вмешивался во все дела управления, но не имел никаких государственных взглядов, никакой программы деятельности и ни малейшего знакомства с русским бытом и народом. Это не мешало ему презирать русских и сознательно гнать все русское. Единственной целью его было собственное обогащение, единственной заботой – упрочение своего положения при дворе и в государстве. Действуя с помощью толпы немцев и тех русских, которые думали

сделать свою карьеру службой временщику, Бирон не управлял государством, а эксплуатировал страну в своих личных выгодах, презирая закон и совет и обманывая императрицу. С первых же минут своей власти в России он принялся за взыскание податных недоимок с народа путем самым безжалостным, разоряя народ, устанавливая невозможную круговую поруку в платеже между крестьянами-плательщиками, их владельцами-помещиками и местной администрацией. Все классы общества платились и благосостоянием, и личной свободой: крестьяне за недоимку лишались имущества, помещики сидели в тюрьмах за бедность их крестьян, областная администрация подвергалась позорным наказаниям за неисправное поступление податей. Когда же поднялся ропот, Бирон для сохранения собственной безопасности прибегнул к системе доносов, которые развились в ужасающей степени. Тайная канцелярия, преемница Преображенского приказа петровской эпохи, была завалена политическими доносами и делами. Никто не мог считать себя безопасным от «слова и дела» (восклицание, начинавшее обыкновенно процедуру доноса и следствия). Мелкая житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбие могли привести всякого человека к следствию, тюрьме и пытке. Над обществом висел террор. И в то же время одно за другим шли физические бедствия: мор, голод. Войны с Польшей и Турцией истощали народные силы. Понятно, что при таких обстоятельствах жизни народ не мог быть спокоен, несмотря ни на какие страхи тайной канцелярии.

В 1734-1738 гг. на юго-востоке и на юге появились самозванцы, называвшие себя сыновьями Петра. Они имели успех среди населения и войск, но скоро были изловлены. Но и без них народный ропот не смолкал. В народе хорошо знали, что «Бирон взял силу, и государыня без него ничего не делает. Всем ныне овладели иностранцы. Вот какая фигуры делаются у нас». Так рассуждали русские люди. Они находили, что дела России очень плохи. «Нет у нас никакого доброго порядка, – раздавались голоса, – пропащее наше государство». В народной массе угадывали, что немцы-правители не заботятся о стране, а «боготворят чрево», «слезные и кровавые сборы употребляют на потеху». Немцы пользуются тем, что на престоле слабая женщина: «Где ей столько знать, как мужской пол». Женской власти приписывали все беспорядки, все беды; были уверены, что даже «хлеб не родится», потому что «женский пол царством владеет».

Неспокойно было и в придворной среде, растленной страхами перед доносами и раболепством перед временщиком. Вокруг себя Бирон не видел ни одной самостоятельной личности. Всех заметных русских людей он губил исподволь и являлся полным распорядителем дел. Так называемый Кабинет, учрежденный в ноябре 1731 г. из трех лиц (Остермана, Головкина и Черкасского), должен был заменить собой упраздненный В. Т. Совет и стать над Сенатом и Синодом во главе государственного управления. Но Кабинет этот склонялся перед Бироном и был ему послушен. Один только хитрый и скрытный Остерман, переживший Меншикова, Долгоруких и верховников, умел сохранить свое значение и при Бироне. Он не стремился к «фавору», оставался только дельцом, но таким влиятельным, что стал казаться Бирону опасным человеком. Придумывая, кем бы заменить его, Бирон пришел к тому, что сделал кабинет-министром способного администратора Артемия Петр. Волынского. Он надеялся, что Волынский останется преданным ему человеком, как было до тех пор, и своими способностями и привычкой к делам заменит Остермана. Но Волынский, хотя и стал мешать Остерману, явился в то же время неприятным и Бирону. Лишенный всякой нравственной поддержки, новый кабинет-министр не соразмерил своих сил и влияния с теми задачами, какие себе поставил. Он желал стать в придворном мире не только самостоятельно, но и выше прочих деятелей, он думал перестроить и придворную среду, и управление. Понятно, что такие планы вооружили против него Бирона, который стал бояться Волынского.

При бестактности Волынского Бирону легко было найти в его поступках предлог для обвинения. Волынский был отдан под суд, обвинен в целом ряде действительных и фиктивных проступков и приговорен к смертной казни. На его место, в противовес Остерману, Бирон выдвинул Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Но Остерман продолжал сохранять свое положение, держась необыкновенно осторожно и не мешая Бирону в его фаворе.

Десять лет продолжалось господство немцев, десять лет русские были оскорбляемы в лучших своих симпатиях и чувствах. Ропот не прекращался. Люди, пострадавшие от немцев, независимо от своих личных качеств, за то только, что они были русские, – в глазах народа превращались в героев-мучеников. Но при всем при том народ не поднимался против немцев, а только роптал. Причины этого заключались в том, что, с одной стороны, страшный режим не давал народу возможности сплотиться (так объяснял народное бездействие французский посланник маркиз Шетарди), а с другой стороны, не было лица, во имя которого могло произойти движение: род Петра в мужском колене пресекся. Анна боялась голштинского принца, но для народа он был тоже немец, и притом малоизвестный. Маркиз Шетарди предсказывал, что нельзя надеяться на движение народа против немцев и в случае смерти Анны. Но он был в этом не вполне прав. В конце 1740 г. Анна неожиданно занемогла и умерла после кратковременной болезни. Перед смертью она назначила своим преемником только что родившегося принца Брауншвейг-Люнебургского, Иоанна Антоновича (правнука царя Иоанна Алексеевича). Но хотя у него в Петербурге были и отец (Антон-Ульрих), и мать (Анна Леопольдовна), императрица медлила назначением регента. Бирону хотелось получить регентство в свои руки и соединить, таким образом, власть над Россией с курляндской герцогской короной, которую Бирон получил в 1737 г. Преданный Бирону Бестужев-Рюмин особенно старался об этом. Придворная знать желала того же: одни боялись пропасть без Бирона, ибо жили благодаря ему; другие боялись идти против Бирона, потому что за это могли погибнуть, когда Бирон станет регентом. Желание придворного круга было выдано императрице за народное желание, и она «по народному желанию» накануне смерти отдала Россию в руки Бирона.

Ненавистный народу фаворит стал формально распорядителем России до совершеннолетия монарха, иначе говоря, на 17 лет. На лицах русских бывшие тогда иностранцы читали горе и стыд: так ужасно действовало на русские умы вступление во власть презренного немца. Гвардия, обласканная Анной, ждала лишь той минуты, когда прах императрицы предан будет земле, чтобы подняться на Бирона. Брожение в войсках было сильно, но гвардейцы не имели руководителя, не знали, во имя кого следует подняться, не знали, как отнесется к их движению мать государя – Анна Леопольдовна. Но как только она призвала их на Бирона, движение вспыхнуло сразу и Бирон был свержен и захвачен гвардейцами. Произошло это через какой-нибудь месяц после начала регентства Бирона таким образом.

Бирон знал, что отец и мать императора недовольны его регентством, что гвардия в своем брожении смотрит на родителей государя, как на законных правителей, – и поэтому Бирон теснил принца и принцессу, видя в них опасных для себя соперников, он создал им такую невыносимую обстановку, что Анна Леопольдовна не могла удержаться и со слезами пожаловалась Миниху на притеснения регента. Честолюбивый Миних, недовольный Бироном за свое второстепенное положение при дворе, ответил на жалобы принцессы обещанием освободить ее от Бирона. Разговор между ними происходил 7 ноября, а в ночь с 8 на 9 Миних уже арестовал Бирона. Едва он объявил преображенцам, караулившим во дворце, что намерен свергнуть правителя по желанию Анны Леопольдовны, как все солдаты до одного выразили свою радость и готовность помогать Миниху. Сотня

солдат легко совершила государственный переворот. Бирон и ближайшие к нему люди (между прочим, А. П. Бестужев-Рюмин) были взяты; Бирон особым судом был приговорен к казни за многократное «оскорбление Величества», но помилован и только сослан на житье в Сибирь (в Пелым). Бестужев был также сослан. Анна Леопольдовна стала правительницей государства и приняла титул великой княгини. Остерман, переживший и влияние Бирона, сохранил при правительстве все свое значение и пожалован в генерал-адмиралы. Но Миних, блестящий фельдмаршал, смело произведший переворот и награжденный за него чином «первого министра», скоро был отставлен от должности, потому что возбуждал опасения правительницы своим честолюбием.

Народ ликовал, когда узнал о падении Бирона: думали, что с Бироном исчезнет и бироновщина. Но то, что называли этим именем, осталось: правительство по-прежнему осталось немецким, по-прежнему оно существовало для себя, а не для народа. «Много непорядков происходит», – отзывались о делах русские люди. В главе дел и двора стояли частью прежние лица: Остерман, уцелевший Левенвольд, частью новые фавориты-иностранцы – фрейлина Менгден и ее жених саксонский посланник Линар, об отношении которого к правительнице шла вполне основательно дурная молва. Не без претензий на влияние был и муж Анны Леопольдовны, принц Антон, генералиссимус русских войск. Из русских пользовались высоким положением кабинет-министры – канцлер князь Алексей Михайлович Черкасский и вице-канцлер гр. Михаил Гаврилович Головкин. Головкин умел даже влиять на правительницу, но не умел стать во главе дел. Сама Анна Леопольдовна была совершенно неспособна не только к управлению, но и к деятельности вообще. Детски близорукая и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тесный кружок веселых людей, желала жить для себя и подальше от дел. Не только к государственным делам, но и к окружающим ее отношениям придворного круга она не могла присмотреться сознательно, не могла примирить бесчисленных ссор и распрей, происходивших между людьми, близкими к власти. При таких условиях правительство не могло быть сильным. Его слабость была заметна для всех, его свойства никого не привлекали. Явилась возможность скорого и легкого переворота.

Не только русские люди знали дурное положение дел в России, – его знали и им пользовались иностранные правительства. Традиционная дружба России и Австрии, от которой не решилась отступить и Анна Леопольдовна, привела Россию при Анне Леопольдовне к тому, что необходимо было подать Австрии вооруженную помощь. Но это шло против видов Франции, которая старалась удержать Россию от вмешательства в дела Австрии путем дипломатических интриг. С одной стороны, Франция возбуждала Швецию к войне с Россией для возвращения завоеваний Петра Великого, и Швеция считала эту войну возможной ввиду внутренних замешательств России. С другой стороны, Франция желала в самой России произвести государственный переворот и поставить на русском престоле лицо с более удобными для Франции взглядами, чем правительница Анна. Тот же самый маркиз Шетарди, который при Анне Иоанновне не надеялся на народное движение против немцев в России, теперь вместе с французским правительством твердо верил в возможность такого движения и сам пытался его организовать. Он желал видеть на русском престоле дочь Петра I Елизавету, с которой вошел в оживленные сношения, убеждая ее действовать для достижения престола.

В самом деле, если русскую корону носит малолетний внук царя Иоанна, сын немца, то отчего не вступить на престол дочери царя Петра, чисто русской женщине, любимой народом и единственной действительно русской представительнице царствующего дома? Елизавета была в стороне от престола, пока живы были виднейшие представители семьи Петра Великого, пока царствовала избранная

народом Анна, но теперь за недостатком чисто русских потомков московских государей и при постылом господстве иноземщины Елизавета становилась желанной государыней в глазах русских людей. Шетарди удачно обратился к Елизавете, потому что переворот мог легко совершиться в ее именно пользу при общем к ней сочувствии. Трудности дела заключались не во внешних обстоятельствах, а в самой Елизавете.

Красавица собой, мягкого, общительного характера, Елизавета не была деятельным и энергичным человеком. Не лишенная способностей, но отличавшаяся ленью, она немного знала, хотя и говорила по-французски, по-немецки, даже по-шведски. Нужно заметить, что в дни ее молодости учили ее вообще небрежно; мы знаем, что у нее были учителя (преимущественно французы), но знаем, что они были непостоянно. Любовь отца и матери скрасили годы детства и отрочества Елизаветы. У нее только было одно большое горе: она потеряла любимого жениха принца Карла Голштинского, умершего перед свадьбой. При Петре II 20-летняя Елизавета имела сильнейшее влияние на племянника. Но она не пользовалась своим влиянием, потому что по характеру и интересам была далека от придворных борьбы и интриг. Со смертью Петра II кончились светлые годы Елизаветы: императрица Анна боялась ее и поставила под строгий надзор. Дочь Петра Великого, чтобы остаться целой, должна была вести самый осторожный и скромный образ жизни. Ее удалили от всех придворных и политических дел, стеснили в средствах к жизни, наблюдали за каждым шагом, за каждым ее знакомством. Все выдающиеся немцы времен Анны (Миних, Остерман и др.) были ей враждебны, потому что видели в ней человека, способного стать (и не по своей воле) во главе народного движения против немцев. Но Бирон, как это ни странно, был расположен к Елизавете, довольный тем, что она с почитательностью относилась к нему и к императрице. Однако его личное расположение мало помогало Елизавете; ей оставалось замкнуться в тесной сфере своего частного хозяйства, в узком кружке близких к ней, состоящих при ее дворе, лиц. Юношеская резвость Елизаветы пропала. Отсутствие широкой деятельности не тяготило ее бездеятельную натуру: склонность к веселью удовлетворялась скромными увеселениями в близком кружке. В этом кружке Елизавета нашла крепкую сердечную привязанность в лице Алексея Григорьевича Разумовского, нашла преданных лиц в своих камер-юнкерах, братьях Шуваловых и Воронцове. Можно думать, что если бы Елизавету оставили в покое, она никогда не решилась бы выйти из узкой сферы своего быта, где главным ее горем было не потеря придворного значения, а недостаток денежных средств. Однако ее в покое не оставляли.

В регентство Бирона Елизавета могла ждать улучшения своего положения, и действительно ее содержание было увеличено; но Бирона свергли, и на его место стала женщина, боявшаяся всего потомства Петра Великого; для Анны Леопольдовны и ее сына были страшными соперниками и дочь Петра – Елизавета, и внук его – Петр-Ульрих Голштинский, потому что они имели не менее прав на престол, чем император Иоанн Антонович. За дворцом Елизаветы начали следить внимательно; желая уничтожить ее планы на престол, думали отдать ее замуж; с Елизаветой вообще обращались так, что сами наводили ее на мысль о политических ее правах. О необходимости осуществить эти права и взять престол заговорил в то же время с Елизаветой и Шетарди через ее доктора француза Лестока, который имел на Елизавету некоторое влияние. Елизавета была далека от всякого политического риска. Несмотря на то, Лесток и сам Шетарди употребляли всю свою ловкость, чтобы склонить ее на переворот. Но можно сказать, что их старания были бы напрасны, если бы Елизавета не видела себе поддержки среди русского общества, недовольного немецким правительством: и народ, и гвардия стали высказывать Елизавете свою обычную преданность все настойчивее и горячее. В гвардии шло

сильное брожение в пользу Елизаветы, о котором она знала. Но ни Шетарди, ни Лесток, ни другие близкие к Елизавете люди не могли, конечно, руководить движением гвардии, потому что не имели к ней отношения. Не было таких лиц и в самой гвардии. Поэтому во главе движения должна была стать сама Елизавета, но этого-то и трудно было достигнуть Шетарди с ее характером. Между тем время шло; интрига Шетарди и гвардейское движение становилось все более известным правительству. Остерман предостерегал правительницу; от австрийского двора шли такие же предостережения; но Анна Леопольдовна ограничилась только тем, что наивно открыла Елизавете существующие подозрения. Это побудило Елизавету действовать решительнее, тем более что гвардия должна была выступить в поход против Швеции. Все близкие к Елизавете люди (Разумовский, Воронцов, Шувалов и Лесток), составив как бы придворный совет 24 ноября 1741 г., настояли на немедленном исполнении давно задуманного переворота. Елизавета решилась сама стать во главе преданных ей солдат, побуждаемая опалой правительницы.

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета приехала в казармы гренадерской роты Преображенского полка и с помощью ее произвела с чрезвычайной легкостью государственный переворот. Правительница со всей ее семьей была арестована в Зимнем дворце и перевезена во дворец Елизаветы. В своих домах были арестованы: Остерман, Миних, Левенвольд, Головкин и другие близкие к правительнице люди. Остальные немедленно явились поздравить новую императрицу, и в числе их сразу стал на виду только что вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин.

Несмотря на морозную ночь, улицы Петербурга были полны ликующим народом. В новой императрице видели чисто русскую государыню и праздновали падение немецкого режима. Вскоре увидели доказательства этого падения. Все видные деятели бывших царствований, немцы, были отданы под суд. Остерман, переживший пять царствований и всех временщиков не только благополучно, но и с пользой для личной карьеры и влияния, теперь не увернулся от опалы и падения, как самый видный немец в правительстве. Елизавета не любила его, боялась более, чем кого-либо другого, потому что Остерман при всей своей ловкости не мог скрыть своего враждебного отношения к Елизавете. Вместе с Остерманом попали под следствие Миних, Левенвольд, Менгден и русский граф Головкин, близкий к бывшей правительнице. Обвиненные в разнообразных государственных преступлениях, они все были приговорены к смерти, взведены на эшафот, но помилованы и сосланы в Сибирь. Вместе с ссылкой главных иностранцев исчезли из администрации и второстепенные. Ясно было, что императрица желает править Россией посредством русских людей. При дворе, в управлении, во внешних сношениях России выступали вперед чисто русские люди; все русское, что было поругано и унижено, получало свои права; на русских людей сыпались награды. Гренадерская рота Преображенского полка, произведшая переворот, была переименована в лейб-кампаию. Все ее чины были признаны потомственными дворянами и получили земли из конфискованных имений иностранцев. Вся гвардия, с восторгом поддерживавшая преобразенцев, была щедро награждена, «понеже (говоря словами Елизаветы) их службою... успех в восприятии престола получили».

Свержение иноземцев и ласка к русским людям обусловили собою прочность и популярность нового царствования, объявившего своим лозунгом верность традициям Петра Великого.

Так закончился темный период нашей истории XVIII в. Мы сказали, что причины частых переворотов после Петра Великого заключались в состоянии царской семьи и в особенностях той общественной среды, которая влияла на государственные дела.

Обозрение событий при дворе за 1725-1741 гг. достаточно показало нам, в каком состоянии была семья Петра Великого: мужское его потомство состояло из

одного внука, умершего до совершеннолетия, дочери его родились до его церковного брака с Екатериной, и это первоначально было препятствием к достижению ими престола. Племянницы Петра и одна из его дочерей (Анна) были замужем за немецкими владетельными принцами, и их дети были не русскими царевичами, а немецкими принцами. При таких условиях трудно было, конечно, согласиться относительно законного порядка престолонаследия и невозможно было избежать немецкого элемента при дворе. Неизбежны были замешательства при передаче престола от одного лица к другому, и они еще поддерживались законом о престолонаследии Петра, узаконившим личный произвол монарха вместо народного обычая. Но этот закон Петра, ставя при каждом царствовании трудный вопрос о преемнике престола, в то же время имел и хорошую сторону: он устранял возможность междоусобия претендентов на престол, санкционируя самую прихотливую передачу престола. Как бы то ни было, состояние царствующего дома делало престолонаследие случайным и открывало широкую дорогу для всякого рода посторонних влияний на порядок преемства престола. Посторонние влияния особенно процветали благодаря тому, что на престоле были или женщины, или малолетние государи, – условия, благоприятные для развития фаворитизма и личных влияний при дворе и государстве. Уже тотчас после смерти Петра видим фаворита Меншикова, затем Долгоруких, Бирона. За ними тянется длинный ряд заметных и незаметных, способных и неспособных личностей с одной задачей – добиться фавора или влияния на дела. Придворная жизнь полна интригами, столкновениями лиц и партий. Государство управляется «силою персон» вместо твердых убеждений, о чем так заботился Петр. Изучение придворной жизни многое объясняет в государственной жизни после Петра. Придворная среда получает большее значение, чем в нормальные эпохи истории.

Настроение этой среды объясняет нам, почему после Петра его начинания не продолжались, почему Россия жила день за день, и многое, что насадил Петр, было заглушено после него. Среда людей, стоявших около престола и управлявших Россией после Петра, составила из самых разнообразных лиц: в ней были представители старой московской аристократии (Голицыны, Долгорукие, Трубецкие и Черкасские); были люди, сами себе сделавшие карьеру (Меншиков, Ягужинский, Толстой, Бестужев); были, наконец, люди чуждые более или менее России происхождением и интересами (Миних, Остерман и Бирон). Понятно, что в этой среде не могло быть общих интересов. Если родовитых людей могла соединять забота об утверждении положения аристократии, если иностранцы могли действовать сообща ради водворения и обеспечения своего режима, то русских неродовитых людей могла соединять только память об общем их учителе Петре и дело реформы. Но мы знаем, что ученики и сотрудники Петра разномыслили на реформу, не в одинаковой мере ей сочувствовали; мы знаем, что они не составляли тесного круга внутренне сплоченных людей. При этом условии они могли не дать хода реакционным стремлениям, бывшим в обществе, удерживали Россию на том пути, на котором она была при Петре; но они не могли ни продолжать дело Петра, ни сохранить его неприкосновенным во всех частностях. Среди них большую роль играли личные стремления и заботы, разъединявшие их на враждебные партии. То же господство личных стремлений видим и среди иноземцев. Отсюда масса мелких интриг и столкновений: Меншиков ссылает Толстого, Бирон борется с Остерманом и т. д. Однако при таком разъединении замечаем и попытки соединенных действий той или другой стороны. Тотчас после смерти Петра делами правят неродовитые русские люди: они добиваются того, что престол переходит к Екатерине, они занимают большинство видных мест в администрации и в Верховном совете. Виднее их всех временщик Меншиков. С воцарением Петра II первая роль достается мало-помалу старой знати, впереди которой идут временщики Долгорукие. После смерти Петра II,

пользуясь удачным моментом, старая знать желает законом упрочить свое высокое государственное положение. Сознывая, что на это положение она имеет некоторое право не только по личным талантам и случайной выслуге, но по происхождению и исторической традиции Москвы, знать подносит Анне «пункты», но терпит неудачу. При Анне ни знатные, ни простые сотрудники Петра не пользуются прежним значением: в систему возводится управление посредством иностранцев с временщиком Бироном во главе. Национальное неудовольствие прекращает эту систему: к делам становятся снова русские люди, но это уже не сотрудники Петра, а люди более поздней формации.

При такой смене придворных влияний борьба разных людей и направлений влияет на порядок престолонаследия. Современники уверяли, что Петр II вступил на престол отчасти благодаря влиянию Меншикова на Екатерину. Сама Екатерина взошла на престол по выбору придворной среды, Анна Иоанновна – точно так же. Завещание Екатерины, предрешавшее судьбу престола после бездетной смерти Петра, было отвергнуто в 1730 г. придворной знатью. Таким образом, судьба престола часто зависела от влияния временщиков.

Такой порядок вещей отражался, конечно, на общем ходе государственной жизни и имел такие последствия, какие были чужды петровскому времени. Прежде всего ряд дворцовых переворотов не совершался исключительно в сфере дворцовой жизни, но выходил, так сказать, за пределы дворца, совершался с участием гвардии и народа. Гвардейские полки не один раз являлись вершителями дворцовых дел и отношений. При воцарении Екатерины голос гвардейских офицеров и то обстоятельство, что гвардия повиновалась императрице, решили дело ее избрания. При Анне гвардейские офицеры первые заговорили о восстановлении самодержавия, и оно было восстановлено. Бирона свергли гвардейцы; гвардейцы же возвели Елизавету. Ни один переворот во дворце и государстве не совершался без участия гвардейских полков. И это было естественным, потому что гвардия была военной силой, ближайшей к правительству. Важность политической роли, какую могла играть гвардия, не была тайной ни для самих гвардейцев, ни для правительства, которое не бывало равнодушно к настроению гвардии: оно или ласкало гвардейцев (например, при имп. Екатерине), или не доверяло им и боялось их, как при Бироне, который думал даже реформировать гвардию, и при Анне Леопольдовне, когда гвардию хотели удалить из Петербурга от Елизаветы. Сами гвардейцы тоже понимали, что составляют политическую силу: они очень сознательно относились ко всем политическим переворотам и не скрывали своего отношения к ним. Когда господство немцев привело к регентству Бирона, гвардия явилась первой выразительницей народного негодования на то, что «отдали все государство регенту». Гвардейцы собирались «убрать регента и сообщников его» и действительно убрали, как только явился у них руководитель. Толки о Бироне шли без особой опаски: на улице один офицер возбуждал солдат настолько явно, что это слышал из кареты министр Бестужев-Рюмин и должен был обнажить шпагу против офицера, чтобы заставить его замолчать. Другие офицеры безбоязненно являлись к вельможам (Черкасскому, Головкину) с протестами против регента. Недовольная правительницей гвардия с особенной настойчивостью показывала свою преданность Елизавете; офицеры и солдаты постоянно приходили к ней, не боясь того, что за каждым шагом Елизаветы следили; однажды гвардейцы толпой окружили цесаревну в Летнем саду со словами: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что наконец велишь нам». На это царевна могла отвечать лишь усиленной просьбой молчать и не губить ни себя, ни ее. В таком поведении гвардии сказывалось лучше всего сознание своей силы и значения.

Однако, наблюдая такую роль гвардейских полков, не следует думать, что Россия стала жертвой преторианства. Чтобы понять смысл и значение того

положения, какое заняла гвардия после Петра, следует помнить ее состав. Гвардейские полки в большинстве своем состояли из людей дворянского класса; преимущественно в гвардии дворянство отбывало свою обязательную службу и наполняло ее ряды не только в качестве офицеров, но и рядовых. Все, что в гвардии было недворянского, дослуживалось до того же дворянства. Поэтому гвардия в первой половине XVI в. была вполне отражением дворянства, частью его; она носила в себе интересы шляхетства и, стоя близко удел, направляла самый класс; передавала дворянству свои впечатления и из дворянской провинциальной среды переносила в столицу пожелания своего класса. Гвардия, словом, не было оторванным от земства войском, а «заклучала в себе лучших людей, которым дороги были интересы страны и народа; доказательством служит то, что все перевороты имели целью благо страны, производились по национальным побуждениям» (Соловьев). Гвардия явилась в переворотах не бестолковой военной вольницей, а частью русского общества, которая приобрела силу, потому что владела военной организацией.

Такие особенности состава и положения гвардии имели большие последствия. В силу того, что важное политическое значение приобрела часть шляхетства – гвардия, важное значение приобрело и все шляхетство. Награды, которые получала гвардия, в сущности бывали наградой всему шляхетству. Политическое значение гвардии передавалось всему дворянскому классу. Таково было одно последствие ненормального хода дел в центре государства.

Другое последствие его заключалось в том, что при частой смене правительств и «сил различных персон» не было твердой системы в управлении государством ни во внутренних, ни во внешних делах. Это приводит нас к обзору управления и политики России после Петра Великого.

Управление и политика с 1725 по 1741 год

Администрация и сословия. Мы видели при обзоре деятельности Петра Великого, что он создал сложную систему административных органов с идеей разделения власти административной и судебной. Эта система учреждений была объединена под контролем Сената и прокуратуры и в областном управлении допускала активное участие сословных представителей – дворянских (земских комиссаров) и городских (в магистратах). Мы видели также, что одной из самых важных забот Петра были народное хозяйство и государственные финансы.

Тотчас после смерти Петра начались некоторые перемены в управлении и в экономической политике правительства, отчасти нам уже знакомые. Перед памятью Петра благоговели, не желая отступать с пути, по которому он вел Россию; но вместе с тем не совсем берегли наследие Петра и изменяли в частях его работу, причем изменяли далеко не в его духе. Прежде всего отступили от системы Петра в устройстве центрального управления: по мыслям Петра, высшим учреждением должен был быть Сенат, посредством генерал-прокурора связанный с верховной властью. Но вместо Сената, как мы уже знаем, поставили Верховный тайный совет (1726-1730 гг.): этим свели Сенат на степень коллегия, а должность генерал-прокурора, «око государево», лишили того значения, какое придал ей Петр. Должность эта и совсем исчезла, как лишённая своего смысла. Восстановленный при Анне Иоанновне генерал-прокурор не получил прежнего значения, потому что не получил его и Сенат. Анна в 1730 г. уничтожила В. Т. Совет, восстановила права Сената, разделив Сенат на 5 департаментов; но вскоре над Сенатом поставила Кабинет, аналогичный по значению В. Т. Совету, и этим снова уронила значение Сената и генерал-прокурора. Таким образом верховный административный орган в системе Петра потерял свое место, уступив его другим учреждениям. Но эти новые

учреждения не отличались прочностью и жили недолго. В них (в Верх. Тайн. Совете и Кабинете) собиралась та чиновная знать «верховные господа министры», которая и при Петре часто распоряжалась Сенатом. Но при Петре приближенные к нему высшие административные лица не были организованы в учреждение и не имели того влияния, какое они получали при слабых представителях власти после Петра (женщинах и детях). Когда же у них явилось это влияние, они стремились сомкнуться в учреждение, не подчиненное общему правительственному контролю (Сенату и прокуратуре), напротив, сами взяли контроль в свои руки и управляли страной силой своих «персон», стоя над всей системой администрации. В 1730 г. они даже покусились править не только страной, но и самой властью. Попытка не удалась и повела к видоизменению того учреждения, которое ее совершало; но и при самодержавии персоны Верх. Тайн. Совета и Кабинета, ниспровергнув административную систему Петра, направленную против произвола лиц, развили этот произвол. Ясный ум Н. И. Панина и тонкая наблюдательность его современницы, Екатерины II, подметили и строго осудили это зло, назревшее после Петра.

Потерпев существенное изменение в одном из своих оснований, административный порядок Петра терпел изменения и во многих частностях. Лица, управлявшие Россией после Петра, должны были считаться с теми же самыми делами, на которые всегда направлял энергию Петр, – с финансовыми и экономическими. Благосостояние народа много пострадало от войн петровского времени, да и ранее не было блестяще, Петр, как мы видели, не успел его поправить, хотя и достиг финансового успеха. Но и сам Петр нуждался в деньгах; после же него нужда не прекращалась, а искусства с ней справляться стало меньше. Перед правительством Екатерины I грозно стал вопрос о финансах и еще грознее – о расстройстве платежных сил народа. Многие сотрудники Екатерины считали экономическое положение государства не только трудным, но и опасным. В начале 1725 г. генерал-прокурор Ягужинский подал императрице записку о положении дел и в ней требовал немедленных мероприятий не только к «поправлению нынешнего в государстве состояния», но и к сохранению «целости» государства и народа. В 1726 г. Верх. Тайн. Совет рассуждал о положении дел финансовых и экономических весьма серьезно и не скрывал от себя трудного положения главного плательщика – крестьянина. Сознывая, что «когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата», т. е. падет сила государства, Верх. Тайн. Совет проектировал ряд мер для облегчения крестьян и других податных классов. Эти меры имели в виду: во-первых, непосредственное облегчение плательщиков (подушный оклад был прямо уменьшен), во-вторых – покрытие убытков от такого уменьшения подушных платежей иными средствами, в-третьих – сокращение правительственных расходов. Эти меры, будучи приведены в исполнение, внесли много нового в управление. В видах сокращения расхода признали нужным упростить сложную администрацию Петра. Уничтожили много ненужных «канцелярий» и контроль (но оказалось, что многие из них необходимо было возобновить). В областях уничтожили много должностей и соединили административную и судебную власти в лице губернаторов и воевод (1727 г.), что далеко не было успехом (принцип разделения властей был существенной заслугой петровской системы). Городовые магистраты подчинили, как и суд, тем же губернаторам и воеводам, что шло вразрез с сознательными стремлениями Петра, желавшего избавить горожан от административных злоупотреблений. Эти меры приняты были при Екатерине, а при Петре II уничтожен был и Главный Магистрат, ведавший городское самоуправление. Таким образом, упрощение петровской администрации сделано было с нарушением начал, руководивших Петром. Управление не развивалось и не улучшалось; изменением разрушали его стройность, нарушали его начала, но не вносили ни новой системы,

ни новых начал. Мы не можем считать руководящим началом тот факт, что новые мероприятия стесняли местное самоуправление и создавали в провинции бюрократическое управление...

Уменьшая расходы, думали о новых источниках доходов. Важными источниками признавались, как и при Петре, торговля и промышленность, развитие которых должно было обогащать казну путем косвенного обложения. Еще при Екатерине I были убеждены, что русские торговля и промышленность находятся в неудовлетворительном положении и что меры Петра иногда не только не содействовали, но даже мешали их развитию. Указывали в В. Т. Совете, например, на такие факты: Петр Великий запретил ткать узкие холсты, а велел ткать широкие, как это было за границей; запрещение Петра уничтожило, а не подняло ткацкий промысел, которым кормилось много крестьян, потому что крестьяне не могли завести широких ткацких станков; «разорились от этого крестьяне северные, у которых мало хлеба родится», а между тем «широкие холсты за море мало потребны, больше узкие требуются». Далее, Петр требовал, чтобы внешняя морская торговля шла Балтийским морем, поэтому насильственно отвлекал товары от Архангельска к Петербургскому порту. После Петра увидели, что «к Архангельску провоз товаров дешевле был, чем к Петербургу», и поэтому нашли полезным «отворить порт Архангельский», закрытый Петром. Рассуждая о положении торговли и промыслов, правительство Екатерины видело, что торгово-промышленный класс тяготился правительственной оценкой, какую наложил на него Петр, и «воли требует». Для устройства этого дела была предложена при Екатерине и открыта при Петре II Комиссия о коммерции под председательством Остермана; она должна была руководиться и теми заявлениями, какие было дозволено подавать в Комиссию как отдельным купцам, так и целым городским обществам. Действуя продолжительное время, эта Комиссия выработала ряд торгово-промышленных мероприятий освободительного характера, если можно так выразиться: она высказалась против откупов, отдав многие предметы (табак, соль) «в вольную торговлю», и отменила ряд стеснений, тормозивших развитие того или другого вида промышленности, сняла многие пошлины. В таком характере деятельности комиссии заключалось прямое отступление от направления Петра, нарушение его покровительственной системы. Эта система была направлена более всего к тому, чтобы поставить на ноги национальную торговлю и дать ей силы конкурировать с иностранцами. Комиссия о коммерции не отказывалась, конечно, от этой цели, но не всегда имела ее в виду: например, в 1731 г., при водворении немецкого режима, она разрешила иноземцам свободную торговлю в России, что вряд ли нашло бы одобрение Петра Великого.

Так и управление, и экономическая политика Петра потерпели изменения при его преемниках. Эти изменения были вызваны экономическими и финансовыми затруднениями. Но все эти перемены не привели ни к какому успеху. Экономических затруднений не стало меньше. Из многих источников мы знаем, что ни финансы не могли быть приведены в равновесие, ни благосостояние народа не становилось заметнее. При Анне недоимки взыскивались с редкой настойчивостью. Оповещалось, что прощать их не будут, но все-таки приходилось прощать, и подушных денег только в 1730 и 1735 гг. было сложено с народа 4 млн. руб. У крестьянства не хватало средств нести податные тягости, от податей и рекрутства крестьяне бежали даже за границу (в Польшу) и, по словам Миниха, «многие провинции точно войною или моровым поветрием разорены». Тяжелые войны при Анне способствовали этому разорению податных классов и недобору прямой подати, которая составляла главную статью государственного дохода. Положение финансов при этих условиях не могло быть хорошим. Они недостаточны были для нужд управления и находились в беспорядке. Императрица Анна в одном из своих

указов Сенату выразилась весьма резко, говоря, «что государственная казна растеряна и раскрадена». Правительство, не имея средств покрывать все расходы, уменьшало жалованье чиновников, сокращало даже траты на войско и флот. От этого армия пришла в упадок, как создавали в Верх. Тайн. Совете, а относительно флота в 1731 г. говорили, что «флот погибает, едва 12 кораблей могут выйти в море». При общем неуспехе финансовой политики правительство, как мы уже заметили, не имело успеха в реформах управления. Учреждения Петра казались бесполезными; сокращая их, нарушали систему Петра, но упрощения и улучшения не достигали цели. Масса нерешенных дел, недостаток административных средств заставляли часто восстанавливать уничтоженные учреждения и должности. Так, например, было в 1730 г., когда при вступлении на престол Анны Сенат представлял ей необходимость создания новых судебных и административных учреждений. Нарушая систему Петра при учреждении новых органов управления, не держались никакой системы, и это вносило хаос в порядок Петра; то восстанавливаемые, то уничтожаемые учреждения не могли окрепнуть и определиться, не были в состоянии выработать определенный порядок и сферу действий и уяснить свои отношения к другим учреждениям. Управление принимало характер беспорядочный, при котором, пользуясь словами Екатерины II, государственные места не имели «своих пределов и законов к соблюдению доброго во всем порядке».

Внеся эти изменения в систему управления, правительства, действовавшие после Петра Великого, внесли нечто новое и в положение сословий.

Прежде всего изменилось положение дворянства. Петр Великий крепко привязал дворянство к бессрочной государственной службе и в государственных видах стеснил дворянское землевладение условиями закона о единонаследии 1714 г. После Петра, и особенно при императрице Анне, служебные обязанности шляхетства были несколько облегчены, и землевладельческие права увеличены. Таким образом положение шляхетства улучшилось. Причина такого улучшения нами отчасти была уже указана: она заключалась в той роли, какую стали играть в столице гвардейские полки. Составляя военную силу, на которую должны были опираться правительства, сменявшиеся одно за другим, гвардия получала награды за верную службу; но гвардия была дворянством, поэтому и награды, получаемые ею, были, в сущности, наградами дворянству: они и давались не гвардии, а всему шляхетству. Награды заключались в уменьшении государственных повинностей и в увеличении землевладельческих прав. Однако, когда мы связываем улучшение дворянского быта с положением гвардии, мы не должны забывать, что облегчение государственной (военной) службы дворянства могло осуществиться только при тех условиях продолжительного мира, которые позволили России отдохнуть после войн Петра Великого и не требовали усиленной службы войск. Только по этой причине могло осуществиться облегчение государственных повинностей дворянства. Правда, оно совершилось как раз во время войн времени Анны, но эти войны далеко не так напрягали народные силы, как войны начала XVIII в. Они давали правительству смелость облегчить бремя дворянства даже до конца военных действий.

Облегчение дворянских повинностей и увеличение прав состояло в следующем: мы видели, что при вступлении на престол Анны дворянство подавало Верховному тайному совету проекты реформ; в этих проектах оно добивалось, между прочим, уничтожения закона о единонаследии, открытия для дворянства школы, из которой дворянин мог бы выходить прямо в офицеры, минуя солдатство, и ограничения дворянской службы 20-ю годами. Получив самодержавие из рук простого шляхетства, императрица Анна скоро его отблагодарила: она уничтожила закон Петра о единонаследии и дала свободу дворянам завещать как вотчины, так и поместья, причем законом уничтожила всякое различие между поместьями и вотчинами (указ 17 марта 1731 г.). Так дворянство получило в наследственную

собственность массу земель, которые закон считал до тех пор государственными. Анна же начала раздачу государственных земель дворянству, прекращенную Петром, причем земля уже давалась прямо в полную собственность. Так выросли землевладельческие права дворянства; ниже увидим, что выростала и власть над крестьянами в дворянских имениях. Облегчение государственной службы последовало немногим позже. Уже в июле 1731 г. императрица учредила так называемый «Сухопутный шляхетский корпус», военную школу для дворян в Петербурге. Одним из прав, какими пользовались воспитанники корпуса, было право производства в офицеры, «не быв в солдатах, матросах и других нижних чинах». Но, давая права дворянству, императрица не сразу решила установить какие-либо сроки для службы дворян взамен существовавшей бессрочной службы. Только манифестом 31 декабря 1736 г. этот срок был установлен. Было указано, что дворянин повинен служить государству 25 лет (сами дворяне просили 20-летний срок); один из братьев в семье освобождался от службы для управления семейным хозяйством; дворянин, выходящий в отставку из службы, должен был за свою отставку («абшид», как тогда говорили) поставить рекрута. Едва был обнародован этот желанный для дворянства манифест, как половина офицеров подала в отставку. Этим оправдывались опасения правительства, что дворянство перестанет служить, и действие манифеста тотчас поспешили приостановить, не давая отставок.

Действительно, дворянство не желало служить. Строгости Петра Великого хотя и держали шляхетскую массу на службе, но не могли все-таки до конца пресечь укрывательство от службы отдельных представителей шляхетства. После Петра это укрывательство растет благодаря упадку требовательности правительства. Всеми мерами дворяне уходят из службы: или просто не являются служить, надеясь на безнаказанность, или бегут от службы в отпуск, добывая его законными и незаконными путями. Вот почему правительство опасалось уменьшать служебные требования; оно боялось расстроить армию потерей офицерства и администрацию потерей чиновничества. Более развитые дворяне осуждали уклонение своей братии от службы и признавали необходимость принудительных мер; без них, думали они, «всяк захочет лежать в своем доме» (слова А. Волынского). Но масса дворянства желала стряхнуть с себя бремя службы и добивалась законодательных мер, облегчавших это бремя. Дворяне служебной карьере предпочитали сельскохозяйственную деятельность и неудержимо стремились из полков и канцелярий в свои деревни. «В дворянине-воине и царском слуге постепенно выростал дворянин-помещик и обыватель уезда», – говорит один исследователь (Романович-Славатинский, «Дворянство в России»). При Анне дворянству удалось сделать первые шаги от службы к хозяйству благодаря тем особым заслугам, какие оно оказало престолу.

Нельзя не заметить, что само правительство после Петра Великого поощряло и возбуждало своими мерами такие стремления в дворянстве. В 1727 г. оно поставило взыскать недоимки не с крестьян, а с их помещиков или с помещичьих приказчиков; а в 1731 г. эта временная мера обращена в постоянное правило: в регламенте Камер-коллегии постановлялось, что подушные деньги должны платить сами помещики, недоимки должно взыскивать с них же. В царствование Анны помещиков за недоимки их крестьян сажали в тюрьмы и разоряли. Таким образом на помещиков была возложена с большой строгостью ответственность за казенные платежи их крестьян. Понятно, что при таком условии помещик стремился жить и хозяйничать в деревне, чтобы следить за податной к всякой исправностью не только своего, но и крестьянского хозяйства. Понятно, что и само правительство смотрело на помещика как на свой административно-хозяйственный орган в областной жизни.

При таких взглядах и условиях развивалось, с одной стороны, стремление дворян в деревню, а с другой стороны, большее подчинение крестьян помещикам,

ответственным за них перед казной.

Экономическое положение крестьянства при Екатерине и Петре II очень заботило правительство. Понимая, что податная исправность крестьянства зависит от экономического благосостояния его, заботились о подъеме этого благосостояния, следили за развитием земледелия и промыслов, охраняли крестьян от злоупотреблений администрации и суда. При немецком режиме времени Анны такой заботливости было меньше; главное внимание обратилось на подати и недоимки. Но и в целях финансовых, и в видах экономических во все царствования шел ряд мер, подчинявших крестьян помещикам и уменьшавших личные и имущественные права крестьян. Развивавшийся факт крепостного права влиял на его законодательное признание. При Петре Великом ревизия сравнивала холопов с крестьянами, признав первых податным классом. Но житейская практика пользовалась этим сравнением для того, чтобы на крестьян перенести черты холопией зависимости. Крестьянин в жизни превращался в холопа, хотя дух петровского законодательства желал холопа превратить в крестьянина, и совершалось это потому, что в законодательстве не было определений, предусматривавших такое явление. Напротив, люди стоявшие у власти и сами имевшие у себя крестьян, вносили в законодательство частные ограничения крестьянских прав и этим создавали в законе как бы противоречие. При малолетнем Петре II запрещено было свободное вступление в военную службу частновладельческих крестьян, а прежде это было дозволенным выходом из крепостной зависимости. В 1730 г. крестьянам было запрещено покупать недвижимые имения, а в 1734 г. – заводить суконные фабрики. В 1726 г. крестьяне были лишены права без разрешения помещика отправляться на промысел, в 1731 г. им было запрещено вступать в откупа и подряды. Помещики получили право переселять своих крестьян из уезда в уезд, т. е., иначе говоря, отрывать их от определенного места, к которому они были прикреплены по ревизии. Наконец, в податном отношении крестьяне были с 1731 г. совершенно подчинены помещикам, и помещики имели право в случае неповиновения крестьян требовать содействия властей. Все эти постановления еще не устанавливали полного бесправия крестьян, но были шагом к потере крестьянами гражданской личности. Они ограничивали и личные, и имущественные права крестьян, но в них еще не видно отрицания гражданской личности крестьянина вообще.

Такое отрицание впервые мелькнуло в манифесте о вступлении на престол Елизаветы: в нем крестьяне были исключены из присяги на верноподданство. Казалось поэтому, что новое правительство уже не считает их гражданами государства. Действительно, при Елизавете крепостное право развивалось очень быстро: но и при ней, как увидим, закон еще не считал крестьян рабами. Манифест 25 ноября 1741 г. поэтому есть скорее обмолвка, чем сознательное выражение известного принципа.

Так изменилось положение главных сословий Петра: дворянство облегчало свои служебные тяжести и увеличивало землевладельческие права, словом, выигрывало; крестьянство, не изменяя качества и размера своих повинностей, теряло свои права и перед государством, и перед помещиком, словом – проигрывало. И у дворянства, и у крестьянства терялось то равновесие прав и обязанностей, которое до некоторой степени было установлено Петром Великим.

Внешняя политика.

Международное положение России, созданное Петром Великим, было очень хорошо. Преследуя вековые задачи России с редким историческим чутьем, Петр достиг важных успехов: 1) приобрел Балтийское море – на западе, 2) прочно

поставил русское влияние в Польше – на юго-западе, 3) явился грозным врагом Турции – на юге. При Петре Россия стала первоклассной державой в Европе, в делах Западной Европы ее голос пользовался большим значением. Но Петр не принял на себя никаких обязательств перед западноевропейскими державами и мало вмешивался в местные и частные вопросы западноевропейской политической жизни. Вместе с тем Петр установил прекрасные отношения с Австрией и Пруссией, т. е. теми державами, с которыми у России были общие интересы по отношению к Турции, Польше и Швеции.

После Петра I, при Екатерине и Петре II, продолжали действовать, как действовал Петр, потому что не хотели начинать ничего нового. При Екатерине борьба за Испанию продолжалась на западе Европы; против Австрии образовался союз Франции, Англии и Пруссии. Зная Россию как давнишнего друга Австрии, эти три державы старались всеми силами разъединить ее с австрийцами и не успели. Русское правительство вступило в формальный союз с Австрией, ибо желало ее помощи в своих отношениях к Турции. При Екатерине боялись войны, но в Европе ее не было, – и русским приходилось только вести вялую войну на персидских границах, потому что мир, заключенный Петром, оказался непрочным.

При Петре II снова вышел на сцену вопрос о разделе Польши, который существовал уже при Петре Великом. Пруссия и Австрия хотели этого раздела. Но Россия и при первом, и при втором императоре не относилась сочувственно к этому плану уничтожения Речи Посполитой. Напротив, Россия вступила в договор с Пруссией относительно того, чтобы действовать согласно при замещении польского престола после смерти короля Августа II.

До вступления на престол Анны, как мы видим, русская политика не выходила резко из программы Петра Великого. Если не было уже искусства Петра, если и случались ошибки, если не всегда вспоминали о тактике Петра, то не вносили ничего постороннего и нового, бессознательно шли по дороге, проторенной Петром, и, не думая о подражании Петру, в сущности, подражали ему. Совершенно напротив, при императрице Анне заявляли, что желают следовать примерам Великого Петра, и, в сущности, сознательно отступали от его программы и бессознательно грешили против нее. Прежде всего отказались от плана Петра завести торговлю с Азией и отдали обратно Персии (в 1732 г.) все те земли, которые были завоеваны у нее на берегах Каспийского моря. Эту меру приписывали тому, что прикаспийский климат губил понапрасну русские войска; но все-таки неловкость потери того, что было завоевано Петром Великим; чувствовалась всеми. В 1733 г. умер польский король, и кандидатами на польский престол выступили сын покойного Августа II, курфюрст Саксонский, и знакомый нам в эпоху Петра Станислав Лещинский. Первого поддерживали Австрия и Россия, второго – враждебная Австрии Франция. Когда на выборах Лещинский одержал верх, то Россия силой оружия решила действовать против него. Лещинский заперся в Данциге и был осажден русскими. Он держался 4 1/2 месяца сперва против генерала Ласси, потом против Миниха. Осада Данцига тянулась благодаря ряду военных ошибок русских, в которых нельзя, конечно, видеть подражания военным приемам Петра. Только рядом тяжелых жертв добилась Россия того, что Лещинский бежал и королем стал Август III. Немного спустя Россия приступила к войне с Турцией (1735-1739) из-за набегов крымцев на русские границы. Повод к войне ее не оправдывал. Сами современники, близкие к делам, свидетельствуют, что в Петербурге желали легкой войны для того, чтобы армию и всю нацию занять чем-нибудь и доказать, что желают следовать правилам Петра. В самом же деле война без достаточной необходимости была вопиющим противоречием правилам Петра, а этой войны с Турцией можно было в данном случае избежать. Войну вели в союзе с Австрией, и в то же время, когда австрийцы терпели ряд неудач, русские имели успех. Миних, честолюбию которого

приписывают эту войну, прямо из Польши перешел на турецкие границы и, действуя вместе с Ласси, опустошил Крым, взял Очаков и Хотин, перешел Прут, разбил турок около Хотина при Ставучанах и хотел перейти Дунай. Ласси взял Азов. Но блестящие походы и победы стоили России 100 000 человек солдат. Белградский мир 1739 г. был невыгоден для Австрии и не дал положительных выгод и России. Россия приобрела часть степи между северным Донцом и Бугом и обязала турок срыть Азов – результат ничтожный. Во время этой войны в 1737 г. русские войска, после прекращения в Курляндском герцогстве династии Кетлеров, силой возвели на курляндский престол фаворита Анны – Бирона. Иными словами, Курляндия, подчиненная русскому влиянию, была отдана человеку, ничего общего не имевшему с интересами России, – поступок совсем чуждый духу петровской политики.

Так, желая подражать Петру, политика Анны далеко отошла от его приемов и целей. Причина этому лежит в коренном факте времени Анны – в господстве иноземцев. Русская дипломатия, как основательно доказывают ее историки, перестала при Анне быть чисто национальной: ряды дипломатов пополняются иностранцами, и преимущественно остзейцами (гр. Кейзерлинг, барон Корф и др.), – людьми, не знакомыми ни с историей России, ни с ее потребностями. Иностранцы-дипломаты были и при Петре (Остерман, Брюс), но их таланты служили русским интересам, потому что направлялись самим Петром и русскими людьми, стоявшими во главе всей дипломатии (Головиным и Головкиным). Во время же Анны всю внешнюю политику России вели Остерман, Бирон и Миних, руководясь не всегда пользами государства и выбирая сотрудников не из русских людей.

В кратковременное царствование Иоанна Антоновича эта политика случайных людей дала уже свои плоды, привела Россию к ряду затруднений, вышедших не из обстоятельств существенных для России, а только из ошибок той близорукой политики случайностей, какая господствовала при русском дворе. Еще при императрице Анне Россия обязалась поддерживать «прагматическую санкцию» Карла VI, по которой все владения Габсбургов должны были перейти к его дочери Марии Терезии, по мужу герцогине Лотарингской. Это обязательство было навязано России личным влиянием Бирона; но оно могло еще оправдываться постоянными мирными отношениями Габсбургов и русских государей и общими интересами, какие были у России и Австрии в отношении Польши и Турции. Но интересы государств не зависели от судеб австрийской династии, и Россия не имела непрременной надобности гарантировать династические интересы, чтобы сохранить в Австрии политическую союзницу. Австрия и без того была всегда естественной политической союзницей России. У Москвы и Вены были с давних пор одинаковые враги – на юге турки, а в Средней Европе Польша, – и поэтому они действовали всегда вместе, независимо оттого, кто сидел на престоле в Вене и в Москве, и кто бы ни был в Вене правителем, содействие ее в польском и турецком вопросах для нас было во всяком случае обеспечено.

Но как бы то ни было, обязательства перед Габсбургами были приняты, и это поставило против России Францию, исконного врага Габсбургов. Чтобы отвлечь внимание России от среднеевропейских дел, Франция не без участия других дворов агитировала в Швеции против России. За обязательство перед Габсбургами пришлось поплатиться страхом перед Швецией. Несмотря на то, что война со слабой Швецией не могла быть опасна для России, в России боялись войны; благодаря влиянию Миниха сблизилась с другим врагом Габсбургов и шведов – с Фридрихом II Прусским и таким образом оказались одновременно в союзе с двумя врагами – Австрией и Пруссией. Оборонительный союз с Пруссией против шведов был близоруким шагом, потому что связал России руки, когда Пруссия начала с Австрией войну за Силезию. Этот союз принес пользу Фридриху и большой вред России; она потеряла влияние на австрийские дела и все же не избавилась от

шведской войны. Летом 1741 г. шведы объявили России войну, во время которой Елизавета вступила на престол. Мы уже видели, что и самый переворот в России совершился с участием французской дипломатии. Так, ряд ошибок: потеря влияния в Европе, ничем не вызванная война со Швецией и внутренний переворот – явились результатом близорукой политики русских немцев. Эта политика имела одно хорошее следствие: она ускорила падение этих немцев.